

Сергей Круглов

«Приношение»

Вышла в свет книга стихов Сергея Круглова, с чем его редколлегия «Провинциала» сердечно поздравляет. Книга называется «Приношение», объемная (208 стр.) и красочно оформленная (оформление красноярского графика Юрия Аникутина). Стихотворения, вошедшие в сборник, как сказал сам Круглов, «старые из нового», т.е. за последние несколько лет. Презентация случилась в минусинской картинной галерее. Перейдем к интервью, которое я взял у Сергея после презентации:

Когда Вы стали писать?

Пишу уже более 20 лет, почти четверть века.

Расскажите немного о себе, о своих литературных заслугах (публикации, премии и т.д.)

Вообще, о «заслугах» — это еще об какой большой вопрос!..

Ну, а публикации... Самые ранние стихи, 80-х годов (и проза кое-какая) публиковались в каких-то изданиях Красноярска, именованья которых, увы, и не помню... Тогда как раз началась перестройка — бурнокипящее времечко, окно в весну, масса информации, в том числе и поэтической, масса надежд!.. Немного ранее, еще в конце «застоя», году в 1984-м, помню, на филфаке Красноярского университета, где я учился, образовали мы альманах «Клумба», где было что-то и мое. Издан и размножен он был в лучших традициях самиздата — моим другом на громоздкой трофейной машинке «Рейнметалл», оформлен вручную мною, и дальше первого номера дело не пошло — но вещи там были интересные, как и авторы (ну, это уже тема «Литературная история Красноярска», выходящая за рамки нашей беседы).

В полной мере о публикациях моих можно говорить, относясь к началу 90-х — по объявлению в «Комсомолке» я связался с товариществом молодых литераторов «Вавилон», с Дмитрием Кузьминым (ныне это — один из знаковых и почтенных в Москве — и не только — литературтрегеров, истинный талант опекания чужих талантов, подобно Рудольфи из «Театрального романа» Булгакова). Послал туда стихи... Они публиковались в альманахе «Вавилон», «Митинном журнале» (это питерское было издание), журнале «Знамя», были переводы на французский и итальянский. В 1994 году я был приглашен в качестве участника на Второй Всероссийский фестиваль молодой поэзии в Москву.

В 1996 году в жизни моей произошли кардинальные перемены — я крестился, пришел в Церковь и, как часто бывает с неопитами, с новообращенными, подверг кардинальной уничтожающей ревизии свое прошлое, в том числе и поэзию... В современных изданиях об этом говорится, например, так: «Ушел в радикальную религиозную практику

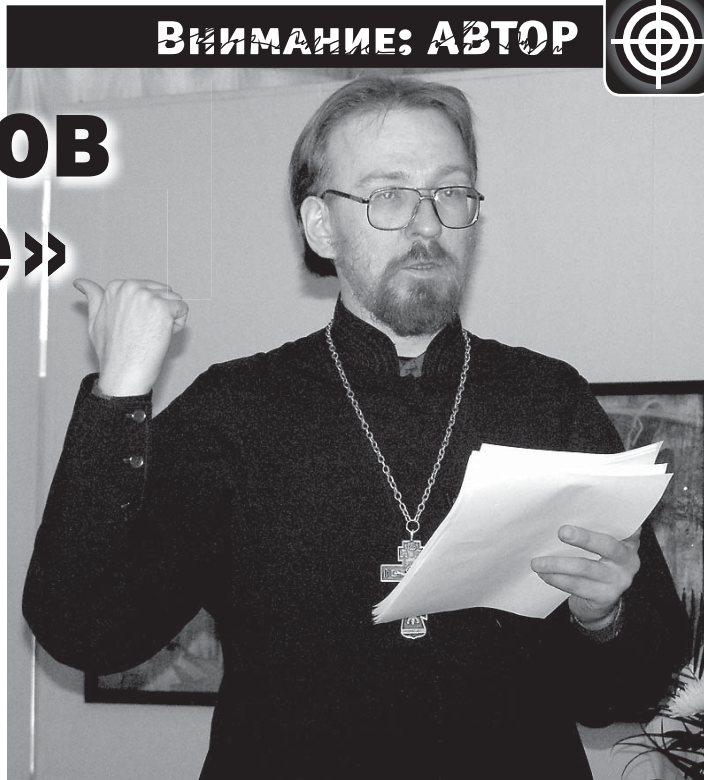
и покинул литературную сцену». Действительно, к своим прошлым, до-церковным стихам до сих пор отношусь неоднозначно — много там было и подлинного, но много и не-преображенного, темного... Однако стихи-то мои ни с какой сцены никуда не ушли, продолжали жить и, как выяснилось, радовать читателей и вдохновлять критиков и писателей. Результатом стали публикации в Интернете, а затем — выход книги «Снятие змия со креста» в серии «Премия Андрея Белого» издательства «Новое литературное обозрение» в 2003 году. О выходе книги я узнал случайно, из газеты «Книжное обозрение»...

А когда к вам, так сказать, вернулась поэзия?

Где-то в 2004-м. Поэзия вернулась? — можно и так сказать. Видите ли, я придерживаюсь взгляда, что поэтический талант — просто часть конституции человека, душевного и телесного его устройства, такая же часть, как цвет глаз, группа крови или устройство вестибулярного аппарата... От себя не уйдешь. А когда до меня дошло, что писание стихов — это и поручение от Бога, и Он спросит строго, если поэт не использует во благо людям свой талант, не доносит до читателя в стихах ту правду о жизни, мире, Боге, человеке, соавтором узнавания которой и является Бог, — все встало на свои места.

С тех пор (если не считать нескольких самостоятельно изданных в Минусинске сборничков — компьютеризация помогла, пишущие машинки и труды по перепечатке ушли в прошлое!) стихи мои издаются, в основном, в Москве, в христианских журналах «Дорога вместе» и «Истина и жизнь», в журналах «Воздух» и «Новое литературное обозрение», в Интернете на сайтах «Вавилон», «ТекстОнли», «Полутона», «На середине мира», в сетевом журнале «РЕЦ». В ноябре 2007 года в серии-приложении к журналу «Воздух» вышел сборник стихов «Зеркальце», в феврале 2008 года в Абакане — сборник «Приношение». Кроме того, на осень 2008 года готовится к выходу в Москве книга в издательстве «Новое литературное обозрение», и пришел предложение от итальянского слависта, переводчика, страстного любителя русской поэзии Паоло Гальвани переводить мои новые стихи на итальянский (переводы моих старых текстов были им опубликованы в 1999 году в миланском журнале «Поэзия»).

Наговорил вот и вспомнил слова классика: мы, русские, весь мир побе-

дим своим хвостовством!.. Ну, вероятно, настанут времена, когда я уже не буду так хорошо помнить все свои публикации; так что, в ожидании этих склеротических времен, оставляю свое изложение без правки и сокращений.

Как вы пришли к православию, решили принять сан священника?

Как говорят — Господь привел.

В 1996 году я крестился, а в 1998 мне было предложено принять сан священника, что и произошло... Конечно, если бы тогда я знал, ЧТО ТАКОЕ служение священника, насколько оно трудно и ответственно — так легко не согласился бы!.. Но что есть, то и есть. Как говорят: куда Бог воткнул — там и торчи. Жизни без Церкви я теперь не представляю. Добавлю еще одно: от всего этого поэзия, несомненно, выиграла — повзрослела, окрепла и расцвела, как бывает и со всякой областью в нашей жизни, в которую мы решаемся пустить Христа...

Как уживаются в одной душе поэт и священник (хаос и порядок)?

Протестую! Кто сказал, что поэт — это хаос? Поэт — это творец космоса из того хаоса, в котором мы иногда застаем языковую стихию. Помните слова: «Поэзия — это лучшие слова, расставленные в лучшем порядке?»

Как уживаются? Вполне органично. Один поддерживает другого.

Кстати, одно из именованый Бога-Творца в святоотеческой традиции — Поэт... А мы несем в себе Его образ, чтобы реализовать его в мире, средствами поэтического языка. Об этом очень хорошо, хотя на мой взгляд и сухоовато, писал Жак Маритен в «Творческой интуиции в искусстве и поэзии».

Христианскому взгляду на мир органично быть выраженным в поэзии. XX век дал тому немало блестящих примеров — Элиот, Шимас Хини, Клодель, Пеги, Мёртон, Надежда Павлович, Рильке, Пастернак, Мандельштам, Краусовицкий, всех и не перечислишь...

На презентации вы говорили, что вас относят к неозпическому течению. Расскажите немного об этом.

«Новый эпос» – понятие, носившееся в воздухе, озвученное поэтом Федором Сваровским (с ним я познакомился поближе в прошлом году, на Всероссийской ярмарке книжной культуры в Красноярске, где мы на пару читали стихи).

Суть примерно вот в чем: «новый эпос» – нелинейное системное высказывание в поэтическом тексте, – в отличие от лирики, зачастую не от первого лица. Это – некая рассказанная история, имеющая смысл ЦЕЛИКОМ, представляющая мир как событие, выводящая читателя, не напрямую, в метафизический контекст, т.е. раскрывающая суть мира, человека, Бога, истории, через рассказывание истории. Чем отличается такой эпос от лирики с ее неизбежной самостью и субъективизмом? Тем, чем Дюма отличается от Джойса, чем Гомер отличается от Пастернака: отрешиться от себя – и рассказать о другом... Чем для меня интересно все это дело – явным возрождением, вхождением в текст, нарратива. Так сейчас пишут некоторые поэты, и интерес к эпосу, в противовес субъективности и наметившейся «выдохлости», обесцененности лирики, в читающих кругах, и вообще в мире, сейчас – налицо. (К слову, для меня как для священника видится здесь непаханная целина, возможность для новой проповеди о Христе миру, утратившему веру, но тоскующему по ней...)

Назовите ваши приоритеты в мировой литературе. Считаете ли вы кого-нибудь своим учителем?

Есть те из поэтов, кто близок и мил сердцу, как близки и милы места и реалии юности – тебе милы, а для постороннего, может, безразличны, у него – свои любимые реалии есть!.. Вообще, мне представляются во многом верными верными слова Михаила Леонидовича Гаспарова (цитирую по памяти): «Стихи делятся на те, которые нравятся мне, и те, которые нравятся кому-то еще...»

Конечно, всякий пишущий стихи непременно должен быть читателем стихов. Без этого, без напитывания музыкой и смыслами других поэтов, на «голом месте», ничего не уродится, в лучшем случае – «поэзия» поддавшего акына, типа: «Тундром еду – тундром пою, лесом еду – лесом пою, бабу лезу – бабу пою...» Список жадно мною любимых поэтов? Если его привести, не хватит места: Донн, Державин, Пушкин, Лермонтов, Бодлер, Рембо, Гумилев, Мандельштам, Волошин, Ходасевич, Алексей Конст. Толстой, Гораций, Овидий, Вергилий, Данте, Петрарка, Вион, Блейк, Гельдерлин, Цветаева, Гумилев, Заболоцкий, Киплинг, Рильке, Паунд, Элиот, Ийтс, Бенн, Тракль, Целан, Фрост, Оден, Стивенс, Жданов, Тарковский, Бродский, Айги, Соснора, Блаженный, Херсонский, да и эх, сколько, сколько еще!.. (Перечислять прозаиков не буду – список выйдет еще длиннее).

Ну, а поскольку я просто дилетант, ни в каких учебных заведениях ничему такому не учился, то и нет смысла говорить об «ученичестве».

В ваших произведениях часто встречаются термины и образы, которые может понять читатель, обладающий богословским образованием. Считаете ли Вы это своей ошибкой или слабостью, или не за-

думывались над этим, не обращали внимания.

Наоборот, считаю это силой своих стихов. И не я один, как выяснилось, – из предисловий к книге «Приношение», к публикациям в журналах «Истина и жизнь», «Новое литературное обозрение», из статей, скажем, Н. Черных, Е. Фанайловой, Д. Давыдова, Б. Дубина, других авторов, да и просто из отзывов читателей, я понял, что это оказалось очень своевременным и востребованным – говорить о вере, Церкви, ее болях и радостях, о жизни человека в Боге и вне Бога, – живым, острым языком поэзии. Скажем так, мой стиль, то, что для меня органично и как мне нравится писать, и некий запрос – людей, времени – счастливо совпали (я бы даже сказал – по промыслу Божьему совпали).

А насчет образования... Чтобы читать стихи, вообще надо иметь хоть какое-то образование. Знание же языка Церкви просто необходимо любому культурному человеку, хотя бы потому, что мы родились, живем и действуем в лоне именно христианской цивилизации, и понятия «вера», «грех», «искупление», «благодать», «преображение», «любовь», «свобода», «милосердие», жизненно важные для любого из нас – именно христианские понятия. Знаете, у Бродского, по его приезду в Штаты, спросили: «Ведь вы еврей, почему же позиционируете себя как христианин?» И тот ответил: «Потому что я не варвар...»

Что Вы думаете о состоянии местной литературы? Как вы оцениваете общее литературное состояние в современной России?

На последние два вопроса отвечу, что харизмой критика, орла, высоко над литературой парящего и всю ее обзирающего, (увы? или к счастью?) не обладаю, не хотел бы ни на местном, ни на общероссийском уровне выделять какие-то имена, чтобы не унижить другие... Поэты – народ весьма ранимый. К тому же, имея, конечно, свои предпочтения в поэзии («моё – не моё»), приветствую любые попытки поэтического творчества – любой, самый признанный и талантливый поэт, является в хорошем смысле слова графоманом, упивающимся медом поэзии, получающим от процесса творчества наслаждение, и в этом нет различия между ним и человеком, «кропающим стишки», как иногда выражаются. Мед поэзии – один на всех и для всех. (В упоении им – избежать бы только грехов тщеславия, зависти, эпи-

гонства, вранья... ну, это – отдельный разговор).

Но главное скажу: кто бы что ни говорил – русская поэзия жива как никогда. Мы с вами уже видим, как умер постмодернизм с его лозунгами смерти всего подряд: нарратива-автора-жанра-смысла и прочего, – а поэзия все равно жива, и сотни буквально имен российских поэтов разных поколений и стилей, живущих одновременно и однопространственно, тому доказательство. Поэзия сегодня осваивает новые смыслы, новые вызовы времени, не переставая расти все из той же почвы Божественного Логоса, Слова, некогда вдохнувшего в человека дар поэтической речи, давшего ему талант именно не как игрушку для развлечения, а как задание преобразования мира, задание в евангельском смысле притчи о талантах.

На презентации Сергей Круглов читал не только свои стихи, но и произведения современных поэтов – его друзей: Бориса Херсонского, Линор Горалик и др. Так же были выставлены карикатурные рисунки поэта. Для многих то, что Сергей оказался еще и интересным художником-карикатуристом, стало открытием. К сожалению, нет возможности разместить здесь хотя бы один из них. Но вот несколько стихотворений из новой книги:

ПОКОЛЕНИЕ НЕКСТ

Памяти Янки Дягилевой

*Не в состояньи родить
Человечьих мясных детей,
Наделали себе буратин
Из этих поющих полен.*

*Их суковаты глаза,
Чужды, сосновы сны,
Кленовыми клиньями твои дни,
Как луковицы, грызут.*

*Когда они побегут
В деревянную ночь, вон,
В нарисованном очаге спалив
Азбуки, куртки твои, –*

*В инсульте сквозь коридор
К двери ползи, хрипи
В сорванный засов:
– Сердце, сердце, кретин!..*

*...Над Полем Чудес – тьма.
Нажвы живой ждя,
Тысячи деревянных детей
Погребают сердца отцов.*

*Сыплют они не соль,
Не воду гнилую льют –
Деревянные вены vzdalбливают свои
Отцовским долотом.
Кап, смоляная, кап.
Кап, скипидарная, кап.
Я люблю тебя, пап.
Прости меня, пап.*

*И вот – один и другой,
Снова и снова, там,
Здесь, из мертвой земли –
Всходят, живут ростки!*

*Алым и золотым
Дерево в утре цветет!*

Продолжение на стр. 4 →

Продолжение. Начало на стр. 3

Воят кот и лиса,
Друг другу глаза пьют.

Как на золотым синё небе запоят –
Так на серой белым земле
откликаются.
Янка рваная из подземки –
Пелагея напевная из маршрутки,
А девчонка-весна
На талом тротуаре
пританцовывает.

Весна, девка шалая,
С ранья постаревшая,
Никому не нужная!
Голос хриповат, сиповат,
Волосенки крашены-перекрашены,
Космы, косыньки, жидкие, жалкие,
Под акриловыми ногтями – грязь,
Земля асфальтовая, льдяная, сорная,
Голый пуп, в пупе – железный гвоздь,
Детородки-придатки простужены,
Грудки плоские, пипеточьи,
Стана вовсе нет, ножки кривеньки,
Песня – мат-перемат,
тоска недевчья,
Стоит, в горло синенькое пропихивает
Пиво колючее, мерзлое,
Надежду жагучую,
Тугу вековечную,
Март-сиверсень!..

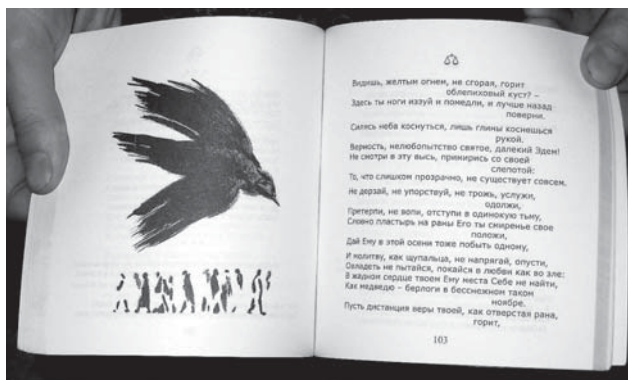
Нет, стоп, не на тот мотив повело.
Ни плачи, ни пляски –
не звучат, дают петухов.
Ее не стилизовать.
Никакому умнику не понять тайны
Песни Песней, – как
Это цыплячье тощее лоно
Может благоухать
ворохами пшеницы?
Что в ней, засранке, сернино?
Кто там у нее пасет
между лилиями?

У кого не поднимется
гранитный ногооть
Раздавить копошащееся
крапивное семя?
Кто прекраснее тебя,
возлюбленная
Моя,
Ты, что виноградника
своего не
уберегла?

«Ай, тили-тили тесто,
Ай, неплодное детское
место,
Ах, так-перетак,
Сифак да сфидак,
Ай да Жених да невеста!»

Март. Тень луны
На заплыванных, во вмерзших бычках,
В битом стекле, в очесах дня,
В оцепенелых очах
светофоров, перекрёстках
Крестообразна.
Собачья свадьба
Окружила двоих, смерзшихся цепко
В отвергнутом миром союзе,
Ждет в вежестве и терпении,
Как паладины у трона, склонив выи, –
Как давно уж разучились
вежествовать люди, –
И всегда кто-то из псов
в честь молодых запекает
Невоспринимаемую спящими
Нюркину песню.

Есть еще новость – слух. Он правдив,
но официальных источников я привести
не могу. В общем, как уже говорил Сер-
гей, ему некий итальянский профессор
предложил издать книгу в переводе на
итальянском языке. Не знаю, получило
ли дальнейшее развитие это начинание,
только приезжали в Минусинск двое
журналистов из Москвы, чтобы встре-
тится с Кругловым. Таким образом, сла-
ва минусинского поэта ширится и, того и

гляди, станут издаваться и читаться его
стихотворения повсеместно. Впрочем,
это уже не забота поэта. Поэту – чтобы
писалось, читателям – чтобы печата-
лось.

Пусть в полях ни души,
Чаша света расколота –
Ты пиши мне, пиши
Киноварью по золоту.

Я хочу, чтобы глаз
Вновь увидел спойстуту
Гуцу слов и раскрас
Ювелирной эпистолы.

Вспомяни суету
и отжившие образы –
Но бегут по листу
Золотистые полосы,

И заставка горит,
Строчки сеют сияние,
И наклон мне дарит
Твоей кисти дрожание, –
Ты себя выдаешь
Опадением листовым,
Драгоценная ложь,
Светлослезная истина!
Ничего, что черно
Это небо осеннее –
Золотое зерно, киноварь воскресения.

Беседовал Дмитрий Шабанов

В одном фантастическом
фильме полицейский спец-
наз уничтожает произве-
дения искусства и тех, кто
пытается еще уцелевшие
произведения спрятать и
сберечь. Так правители
вымышленного государ-
ства хотят лишить граждан

возможности чувственно-
го удовольствия от «целесо-
образности без цели» и
окончательно превратить
их в винтики системы. Что
любопытно, в фильме-
антиутопии даже речи не
идет о тех, кто еще мог бы
произведения создавать –

ушёл Радуга над пеплом

все творцы давно зачище-
ны, и их творения – памят-
ники далекого прошлого.
Нет, этот фильм не про нас:
у нас теперь нет необходи-
мости зачищать творцов
– творцы вымирают сами
и с ними из мира уходит
подлинность – верное от-
ражение эйдосов того, на-
стоящего, мира. «Термиты
пожирают, пока само не
рухнет, а они наблюдают...»
И с каждым годом становит-
ся тяжелее и как бы ненуж-
ней дышать: озоновый слой
подлинности истончается; и

сейчас, когда он еще есть,
даже неясно, от чего он нас
защищает – что уничтожит
нас, если он совсем сойдет
на нет, – новый Шикльгубер
или фастфуд-культура?..

Есть в жизни такие мо-
менты, когда ты вдруг ока-
зываешься страшен, когда
со всей полнотой чувству-
ешь напряженный ток кро-
ви в небывало легком теле.
Словно первый взрыв фей-
ерверка в черном небе за-
ставляет вздрогнуть и за-
прокинуть голову. Словно
тугой ветер на вершине

горы зовет, раскинув руки, взлететь. Это случается редко, может быть, несколько раз в жизни. Но это самые сладостные минуты в ней.

В апреле 2004 года я во второй раз попал на концерт «Гражданской обороны». Это было время, когда Игорь Федорович только начал возвращаться из очередного добровольного отшельничества. Еще не были изданы ни «ДСЖ», ни «Реанимация», ни «Сны...». Не были они охаяны верными приверженцами исключительно «раннего». Тогда, в 2004 году, все – дембеля с жидким чубчиком, наболы, тощие интеллектуалы из старомосковских интеллигентских семей, русские мальчишки из окраинных пятиэтажек – ждали новых песен: воздух в стране изменился – и что скажет Игорь

в гроб-студии Летова всегда жило несколько котов

«Со скоростью мира», а потом, после сердечно любимого мною «бесконечного апреля», сыгранного с саксофоном Сергея Летова, – «Любо». Игорь Федорович пел без аккомпанемента, лишь время от времени

чистоты. Нет никаких коннотаций, и если бы в этот момент мне сказали «Умри за все человечество», это прозвучало бы не пошло, а просто. Можно ли описать это чувство словами?

Я уверен, что по большому счету жизнь и есть поиск таких моментов сопричастности подлинному. «Руками не трогать, словами не называть...» Блажен тот, кто подлинное ищет, дважды блажен, кто к нему прикоснулся, стократ блажен, кто сумел его выразить. Толпа полупьяных панков на холодном асфальте перед Горбушкой прорывает милицейское оцепление и бежит в здание, пьяные вусмерть пацаны на лавке в ночном дворе, едва попадая в струны, хрипят

«Все идет по плану», беспорочный двенадцатилетний я в течение нескольких месяцев каждый день бегу из школы домой, чтобы поскорее поставить на старенький проигрыватель «Вега» пластику «Прыг-скок», единственную на тот момент запись Егора, и слушать ее три раза подряд, а только потом мыть руки, ужинать и т.п. – все это формы поиска, попытка не стать при жизни слякотным трупом, сопротивляться.

19 февраля 2008 года земля дрогнула на своей оси и мир изменился. «Сид Вишес умер у тебя на глазах, а ты остался таким же, как был...» «Ни за что!» – отвечала толпа на концертах. Нет, Игорь Фе-

дорович, когда Сид Вишес, Ян Кёртис и Джим Моррисон умерли, мы еще не родились. На глазах умерли другие люди, и у нас будет свой пантеон – Александр Башлачев, Илья Кормильцев, Егор Летов. У всех нас.

У меня есть мечта... В интервью «Радио Рокс» Игорь Федорович сказал, что его «потрясла одна пластинка – канадский детский хор записи 1976-77 годов... шестьдесят человек поют песни Дэвида Боуи, Beach Boys и Пола МакКартни... Поют столь дико, неправильно, но изо всех сил. Пронзительно. Это страшная совершенно вещь». Мои товарищи по жж-сообществу ru_grob разыскали эту вещь – «The Langley Schools Music Project». Тех, кто знает эти песни, она потрясает, переворачивает. А у меня есть мечта – чтобы в какой-нибудь провинциальной школе под гитару длинноволосого учителя тридцать мальчишек и тридцать девочек спели песни героев нашего пантеона. Если это случится, то тотальная пошлость русского общества опадет комьями саж, и взойдет радуга над пеплом, и полыхнет заря в наших сердцах, и мы увидим то место, куда уходят все настоящие люди.

Сергей Чередниченко

*На могиле у Летова поклонники оставляют воздушные шарик...
"А сегодня я воздушных шариков купил.
Полечу на них над расчудесной страной,
Буду пух глотать, буду в землю нырять
И на все вопросы отвечать: "Всегда живой!"*

Федорович в этом новом воздухе? И вот мы скачем на грязных досках танцпола ДК имени Горбунова и орем растворенные в крови песни громче усилителей. А когда песня начинается с незнакомых аккордов, стоим тихо, стараясь различить каждое слово. Это трудно, потому что звук в культовом зале Горбушки ужасен. Но на третьем припеве мы уже подпеваем. Из новых тогда прозвучали «Долгая счастливая жизнь», «Без меня»,

брякал по струнам, издавая неповторимый наждачный звук, и только на последнем припеве после слов «В следующей атаке обязательно сгорю» грохнули барабаны, и бас, и гитара. Сколько времени длился этот момент? Доли секунды. Но за этот миг весь мир, кажется, пронесся в сознании. Миг, в который ты понимаешь смысл всего сущего, и больше никогда его не поймешь. Это больше, чем счастье. Это момент абсолютной

Александра

Астанаева

Родилась 30 декабря 1982 года. Училась в гимназии, с восьмого класса в историко-юридическом направлении. Выпустилась в 2000 году. Через два года после окончания школы поступила на исторический факультет в Абакане. Отучилась год. В 2004 году поступила в Литинститут на Семинар поэзии у Евгения Борисовича Рейна.

Моей дорогой Суок.
от небрата Тутти

Здравствуй, Суок.
Как живешь, как дела? и прочее...
Я? Апельсиновый сок
разбавляю водкой и потчую
старого доктора.
Помнишь Гаспара?
Мы часто играем в шахматы
и вспоминаем.
Но не об этом сейчас. Как ты там?

Мне говорят: все проходит.
Я, кажется, в это не верю.
Я пишу свою жизнь – скучные годы
на белой бумаге белым,
так же как это письмо:
столько раз начинал,
купил черную ручку,
чернила засушены,
ты никогда не получишь
белый конверт с белым листом
и буквами черными, мол –

Здравствуй, Суок.
Чуть-чуть о погоде.
После дождя асфальт,
словно осенью листьями,
устлан телами красно-бурыми
разбухшими, водянистыми
дождевых червей. Хмурое

небо над ними. Я не боюсь, Суок.
Мне просто противно.
Понимаешь там, запертом на замок,
в далеком прошлом наивном
не было никаких червей,
никогда не было.
Мимо них как можно быстрее,
чтобы не думать о съеденном,
и вообще ни о чем не успеть подумать,
кроме как: зачем они здесь?

Не здравствуй, Суок!
Я не желаю тебе здоровья.
Все твои диеты,
шейпинги, курорты горнолыжные
все это выдумка... Не говори со мной.
Безмолвия
дай мне, Суок.
Я тебя... надеюсь, снова увижу
когда-нибудь.
Когда сам себе позавидую:
меня будут звать
Туттовым Алексеем Юрьевичем,
в жены возьму
барышню умную миловидную.
Златокудрая хрупкая дочка
(уж не знаю зачем)
попросит в подарок куколку.
Миллионы свои обналечу...
И когда мы вынырнем из магазина
с огромной коробкой,
ты будешь стоять на перекрестке

впалошекая
сутулая, с большими глазами,
уставшая от переработок,
языком, пробовать новую пломбу,
пошелкивая.
Вот тогда мы и встретимся, Суок,
но не раньше... Не раньше...

Знаешь, я часто теперь вспоминаю
жизнь во дворце, за стеной, без мира.
Мне не было плохо.
Мне плохо не было!
Хотя далеко, конечно, до рая...

Я не помню, как звали куклу,
а впрочем, зачем ей имя.
И ты знаешь тупая мука
сердце мое не крушила,
когда идеал разбился,
когда сломалась пружина.
Напоказ в истерике бился,
но если б мне дали машину,
автомат и другие игрушки,
я спокойно о ней забыл бы
(или на ночь читали Пушкина)
по-другому бы в жизни было.

Но Доктор Гаспар-обманщик
идеал мой привычный и мертвый
бросил где-то за городом. В плащик
укутав тебя, после споров,
пропаганды идейной, привез мне.

генератор вопросов

1 Как на вас отразилась смерть Летова?

Я радовалась. Честное слово. Даже в пляс пустилась. К Летову как человеку не имею ничего плохого. Летов как фигура – пережил себя давно, ему пора было умирать. А мне он неприятен как податель идей, которые мне не близки, очень.

2 Ваш любимый афоризм?

«Я подумаю об этом завтра» (цитаты ведь пойдут?)

3 Как Вы считаете, существует ли объективная оценка литературного произведения?

Существует перечень критериев, по которым произведение может быть оценено вполне объективно, наподобие «ленивых» мазков в живописи. Но, в общем и целом, конечно оценка субъективна. Критерии: язык, как сама понимаешь, включает целую кучу подразделов. Форма (я думаю, любой нормальный литератор в состоянии объективно проанализировать это важнейшее составляющее), содержание (уверена, расчленять содержание можно объективно), эмоция.

И самый главный с моей точки зрения критерий, который объективен и зависит не от рецензентов, а от того, вложил ли автор (и автор ли вообще это) или нет. Это музыка. Она слышится даже в том, что тебе субъективно не нравится, если она есть.

далее

Мне!!! Наследнику трона – циркачку.
 Не для забавы, для дела.
 Ты же разговор как подачку
 швыряла, выманивая ключик.
 Ты была восхитительным дивом.
 С каждым словом все лучше и лучше
 понимание к нам приходило.

А потом – вот дурак! – чему радовался?
 Кровь на рубашке увидел и засмеялся,
 хотя... тогда ты рядом была...
 Я с тобой ничего не боялся.

И восторженно-бодрым голосом
 Говорил, смотрите – живое, оно есть,
 Мое сердце. А то, что красным полосы
 на рубашке, так это спесь
 вытекает и глупая гордость.

А сегодня я думаю: будь оно каменным,
 или свинцовым, не будь вообще.
 Что вы, Доктор, я не раскаиваюсь,
 дырки штопаю на плаще.

Я давно уже вырос.
 Мое пальто лоскутами изъедено,
 хоть и было навырост,
 в том далеком давно,
 когда по свету ездили.
 И фургончик тряпичный –
 наш дом – перекачивай поле.
 И зима. По-обычному
 холодно. Мы не чувствуем холод.
 А сейчас в феврале
 с его вьюгами и метелями
 я плетусь по земле,
 изнывающей по апрелю.
 Я не чувствую ног,
 кончик носа, и руки не чувствую,
 и глаза мои жжет
 морозь снега, и щеки покусывает
 озверевший от воли простора
 беснующийся ветер...
 Бездна ночи. Заснеженный свод
 Я один... Я один на планете

Метель доведет меня
 до тихого света в церквушке.
 Я брошусь на свет,
 как голодный на хлеба краюшку,
 и будет, конечно, сама понимаешь,
 как Пушкин
 писал, и даже, пожалуй, чуть лучше,
 чем было у Пушкина.

Ведь я совершу это таинство
 не из шалости,
 куража или скуки.
 Не побегу на четыре стороны.
 Просто там метель, бездна ночи...
 Устал я,
 нервы мои расстроены.
 И меня приютят.
 И мне будет тепло и сыто.
 И я буду любить без надрывов,
 спокойно.
 И устройт меня единственный дар –
 корыто.
 И мне больше не будет больно!

Ты говоришь:
 «а как же девушка бедная?
 Посмотри до чего же бледная,
 почти упавшая в обморок».
 Ничего подобного.
 Она тоже после метели,
 ее кибитку крутило, вертело,

и ей совершенно нет дела
 что я, наверно, не тот.

Все будет не так, ты сама это знаешь.
 Я наследник, лишившийся трона.
 Моя мантия – пальто старое,
 мои волосы мне корона.
 Ты – по жизни твердо шагаешь.
 В приютившей беглецов Франции
 в слишком маленьком переулочке
 мы столкнемся, два чужестранца.
 Я замечу сначала булочку
 в твоей тонкой руке
 в кружевной перчатке.
 «Je ne mange pas six jours, Madam...»
 А потом глаза вверх, из-под шляпки
 смотришь ты. «Я не верю глазам,
 Тутти, как ты?» Сияет улыбка.
 А потом погрустнеешь.
 «Что с тобой стало?»
 «Ne comprend pas».
 «Простите, ошиблась,
 Вы похожи... вы очень...
 Я просто устала».
 Пальцы ко лбу,
 проведешь к виску,
 подождешь, слезы сдерживая, губы.
 «Вот возьмите»,
 что-то упадет в мои руки
 из твоих мраморно-белых рук.
 И уйдешь неожиданно, Вдруг.
 Точно также как появилась.
 Я подумал бы, что приснилась,
 но в моих руках слишком грубо,
 слишком реально твоя подачка:
 булочка, деньги, сигарет пачка –
 их держали твои руки...
 Я не сумею с этим расстаться
 и, наверно, умру от голода,
 сжимая в руке 1000 евро...

Я почти разучился верить
 в нашу встречу. Дай мне повод!
 Ты почти растворилась,
 я мало что помню.
 Ненавижу сны без тебя в героях,
 я живу эту жизнь без тебя во сне.

Я гадаю по Пушкину.
 Говорят, он все знает,
 говорят, он почти волшебник.
 И в невольном бреду страницы листая,
 проверяешь слова на целебность.

А он был, право, забавный мальй.
 На каждой страничке в уголке
 свой профиль нарисовал.
 И если листаешь
 быстро страницы,
 он подмигивает, показывает языки,
 кривляется
 в своей анимационной агонии,
 корчась от смеха, кричит:
 Тройка-семерка-дама!
 Тройка-семерка-дама!

Я Татьяна, Суок, Я – Татьяна.
 К вам пишу, и чего же тут боле?
 Я давно б задохнулся от боли
 в каменеющей грудной клетке,
 в ожиданье письма ответного,
 только в клетке ревет медведь –
 одичавшая память моя.
 И живому не окаменеть
 Жаль, что нет на стене ружья!
 Жаль, что я не умею стрелять
 и свистеть на ключах не обучен.

Усыпить, усмирить и не знать,
 Как танцует под дудочку ключник.

Белым утром с бледным лицом
 и припухшими веками
 двое сидели за круглым столом
 и не заметили:
 Солнечный луч разрезал на половины,
 надвое мир... одной паутинкой линии.

Я проснусь засветло в воскресенье,
 Я почувствую себя воскресшим.

В комнате, залитой светом,
 все на своих местах:
 в рамках улыбки портретов,
 книги на полках в шкафах,
 только радужные краски
 во всех атрибутах декора,
 в чулане коньки и салазки,
 настезь распахнуты шторы.
 Полна телефонная книжка
 тех, кому можно звонить,
 когда неудача иль слишком
 весело хочется жить.
 Правильная одежда.
 Правильная еда.
 В будущее с надеждой
 смотрят портретов глаза.
 В баре искрятся бутылки
 пьянящей своей полнотой.
 Выиграны поединки.
 Бьются пари с судьбой.

Под одеялом, ноги прижав к груди,
 он, умоляя, просит себя идти.
 Он осторожно, чтоб не задеть больное,
 в мягкость подушек шепчет:
 «ты жив» – и снова
 в зеркале, словно костюм примеряя,
 ищет улыбку, которая заиграет:
 Все хорошо, все непременно будет.
 Слабые люди –
 вы самые сильные люди!

И как улыбку новую мантру примерить:
 «В своей собственной жизни
 Я – самый значимый человек».

И отказываться в это поверить...

АКТЕР

СЕВОСТЬЯНОВА

Наташа

снопа пышных платьев, соскальзывая ногами с узких неровных ступеней, Оля снова думала, что эти ступени никогда не кончатся и будут подставляться под ноги, пока она не устанет ногами перебирать. Но вот сороковая, и ярко освещенные гримерки принимали наглаженные костюмы.

Оленьке было уже за тридцать, но казалось, все житейские беды, страдания и печали лишь мимоходом коснулись ее, удивительно странно сохранив абсолютно детское, лишенное всякой зрелой женственности, личико. В театре Оленьку любили все – и капризная прима, и директор, и полупьяные монтировщики. В хлипкую входную дверь знакомо забарабанили ногой. Олина рука с иглой расстроено опустилась.

Когда-то Сашка был актером. Средневым, но роли давали регулярно, сказывался провинциальный дефицит молодежи. Оля с ним познакомилась лет восемь назад, очень была удивлена, когда еще красивый, чернокудрый актер Саша обратил внимание на нее, щуплую скромницу. Через месяц они просто расписались, и она переехала в его квартиру, пошла работать в театр – Саша и устроил. А потом сам, незаметно как-то, спился... Сначала засиживался в монтировочной после долгих репетиций, глотал «бодрячка» перед сценой, пару раз даже срывал спектакли, материл главрежа, а уж потом стал болтаться по подвездам с дворовыми алкашами. И теперь его, опустившегося, заросшего даже не пропускают дальше вахты театра – только под оливо честное слово. Все жалеют ее: тихая, добрая, и на тебе – такой крест.

Оленька вышла в коридор, повернула ключ в замке, распахнула дверь. Саша едва стоял в проеме, в замызган-

ном расстегнутом пуховике – молнию забыла зашить, вспомнилось ей – и, покачиваясь, улыбался.

«Приветик!» – выдохнул он.

Оленька молча отошла в зал и сев на диван, снова уткнулась в шитье. Муж, не раздеваясь рухнул рядом, комкая замусоленную шапку в кулаке.

– Ну чё ты, Оля, чё надулась? Ну, понимаешь, кореша я встретил, тыщу лет не видалась! Ну разговоры там, чё-каво, глотнули чуток, так я ж трезвый почти, Оля! – Саша теребил ее за рукав.

Оленька только вздохнула – как всегда – и тронула дыру в диване. Погладить бы сейчас Ваську...

Был у нее когда-то давно кот – белый, здоровый, бандит, любимыми занятиями которого было выедание комнатных цветов и «кохота на гостя со шкафа в прихожей». Любимый вошедший встречался таким диким шипом, что бывалые гости, заходя в квартиру, заранее держались на дистанции от стены, где стоял шкаф. Особенно стервенел Василий, если Саша приходил домой пьяным, в то время это еще случалось часто. Тогда котище гонялся за ним со вздыбленной шерстью, победно урча, хватая его за ноги. А Сашка бежал прочь и вопил: «Убери упыря!». Пакостный, неласковый, любил драть мебель и, однажды, совсем раздухарившись, то ли выгрыз, то ли выдрал довольно большую и глубокую дыру в спинке дивана. Саша, тогда будучи трезвым, даже рискнул отпинать обнаглевшего зверя, но кота это не впечатлило, и вскоре, он будто назло с двойным усердием принялся за уничтожение древнего советского дивана. А однажды утром он умер. Оленька, собираясь на работу, тогда так горько плакала над увесистым белым телом, что обычно ко всему равнодушный, Саша долго прижимал ее к себе, держал за руки, целовал в макушку. Не сразу, постепенно пушистый забылся, почти стерся из памяти бытовыми заботами, но дыра в диване, ровно посередине, будто стала символом перелома. В ту пору Сашка начал уже безвозвратно пить.

Ворос: «Как дела в конторе?» – так он называл театр – прервал воспоминания.

Оля мягко сняла с себя его руку и грустно улыбнулась.

– Ничего. Я на Новый год работаю снова – выезды, халтура, понимаешь? Снова не отдохну...

– Нуу, Оленька, театр – этож дело благородное! – протянул Сашка. – Эх, если б мне туда! Взгляни б снова, я бы... я б им показал искусство, блин! – завелся он почти всерьез. – Вот пидор этот, главреж, сука! Че он понимает в искусстве? Развел муленруж, бл*дь – блестки, перья, чулки! Искусство жизненным быть должно – вывел, он воздев руку к потолку, – а не то что кри... кринолины эти бл*дские! Фуффло это все, чуешь? Фу-ффло...

Обычно Оленька не вступала с ним в рассуждения, знала наперед – выговорится, поплачет порой, потрясет ее, обидится и уйдет, чтоб оскорбленно завалиться спать на грязном коврик в прихожке. Редко даже злилась, понимала – большой человек, несчастный. Но сегодня, слушающая его, в душе проявлялось какое-то смутное чувство. Будто накопленная усталость однообразных дней, тяжелой работы, одиночества заполняла ее сердце, вымещая любую жалость.

– Слушай, а ведь все ты понимаешь. – тихо и неуверенно прервала она. – Ты ж специально мордой в грязь... Тебе ведь давали шанс – восстановился в труппе, а через неделю что? Снова упился, выезд сорвал. Зачем говоришь, зачем врешь? Да не хочешь ты в театр, нарочно плачешься... Догадка исказила презрением ее лицо.

– Тебе ведь щас хоть главную роль дай, хоть славу – ты в кустах предпочтешь валиться?

Сашка на миг удивленно умолк, непривычный тому, чтоб его жалобы прерывали, и затравленно глянул на Олю. Но тут же его хватил злая уверенность.

– Че, раскусила штоль? Только щас дошло? Вон как! Да срать я хотел на шансы твои гробаные, на главрежа, на театр этот! Я пил, пью и буду пить! А слава? – Сашка покраснел, приподнялся

Вечер был такой, как и вчера, и месяц назад. Оленька совсем недавно вернулась с работы – утром репетиция, в обед примерки, вечером спектакль, да еще сменщица отпросилась на два дня – с ребенком что-то. А послезавтра премьерный прогон: ничего толком не готово, затемно сидеть придется в костюмерке перебирая пыльные подъюбники. На часах девять только, а на улицах будто ночь, все-таки середина декабря. А ведь еще надо ленты на юбку цыганскую нашивать – Оленька потянулась через стол к игольнице, выбирая иглу потоньше – пылили-то, машинально заметила она, словно старики живут в доме...

Работала она костюмером в абаканском Драмтеатре уже восьмой год, хоть платили мало и график ненормированный, бывало и в час ночи домой идешь. Но ей нравилась душная, набитая ветошью костюмерка, спрятанная на третьем этаже здания, в самом дальнем и необитаемом изгибе мрачного коридора. По вечерам на этаже даже не включали свет, и Оленьке казалось, что если закрыть изнутри двери и железные решетки, охранявшие трапезу, то можно так сидеть в темноте с месяц, и никто не вспомнит, не станет искать. Но иллюзию сгонял очередной звонок внутреннего телефона, зовущий немедленно нести костюмы вниз. И тогда, в темени лестницы, сгибаясь под тяжестью

на треснутом подлокотнике дивана, — Да есть у меня все! Я-то себе красну цену знаю, я пожизон актер! — он вскочил, пошатнулся, Оля подтянула ноги на диван.

— Это они — быдло, морды. А я Актер, мне ТАК проще, поняла? — краснел он от крика, утврждавая истину кулаком об шоколадную полировку. — Меня кореша зовут не Саня-узбек, а Актер! ЗВУЧИТ?

«Звучит, звучит» — зазвенела комната гордым хрусталем в стенке. Оля зажмурилась, и ей показалось, что не Сашка кричит, а чужой визгливый старик. В испуге она быстро открыла глаза.

— Чем ниже, слышь, чем ниже своего достоинства, сознания ты обитаешь, тем больше у тебя за душой славы, власти! Погааненькой, — махал руками перед ней Актер, — мелкой, но власти! Ты ж знаешь нашу шоблу, я один на них всех!

— ...А кто я там-то, среди кринолинов? — уже тихо и театрально-обречённо спросил в пространство Сашка, опадая на диван.

Оленька чувствовала, почти осязала безысходность, идущую от этих стен в ромбики, от раскинувшегося по дивану шитья, от одиноко валяющейся в углу проржавелой булавки. И вдруг зацепилась взглядом за свое отражение в зеркальной дверце стенки. Бессмысленные, измученные, полные слез глаза. Никогда ей не победить. Она медленно встала и ушла в спальню. Щелкнула задвижка, послышались сдавленные подушкой всхлипы.

«Заперлась, — подумал вслед Актер, — строит дуру, будто не знала с кем живет. Дура и есть!»

— Зато я живу, я живу, блядь! — крикнул было в прежнем запале, вытягивая шею в коридор. За дверью спальни стихло.

— Только херово как-то... — уже сам себе, униженно добавил он. Даже Олька и та ненавидит уж... Слезы потекли на щеки, на клочкастую бороду, в глазах поплыло. Сашка сплос с дивана, в комнате стало темнеть. Ему чудилось, что со всех сторон на него устремлены взгляды. Бывшие друзья, коллеги по театру, соседи и Оленька плятятся из клеток на обоях, из наползающей в углы тьмы, заглядывают в окно, обступают диван. Смотрят. Также презрительно, зло, как бывало тогда, когда он, прячась, рискуя, пьянющим пробирался в театр, к которому

привык давно, долго не умея смириться со статусом изгоя. Жгло что-то, тянуло в груди от пьяных компаний, базаров за жизнь к служебному входу, к каменным ступеням, в курилку к ребятам — туда, куда не было возврата. И все, кто крутился на вахте, разом оборачивались, и — смотрели. А потом начинали охать, ругать, и охранник спускал с лестницы, тоже брезгливо рассматривая. Как после таких сцен пил еще больше, на шумрдяк то общаком (на анкету в кадровое), то угрозами (не дашь, украду) вытягивая скудные копейки, что давались Оленьке таким трудом. И все он понимал тогда, осознавал, что делал. Сволочь...

Темные фигуры, соглашаясь, закивали и поползли к дивану. Актер вдруг одичало вскочил, зажмурив слезящиеся глаза и беззвучно кинулся на них. Скрипя зубами давил хрипы, махая подушкой, кружась по залу, бил по любопытным лицам, месил вязкий страх, и все ж полетел на пол, зацепив ногою провод олькиного утюга. Все, теперь пропал. Вдруг, неожиданно с улицы донесся шум, спасительный свет фар ворвался в комнату, взрезая бесившиеся тени, и снова исчез. Сашка замер, осматриваясь. В самом верху, по углам еще курчавилась темнота, обещая вернуться. Но жгущий страх отступил, и он решительно поднялся с пола, отряхнул безнадежно засаленный пуховик, дрожащими кулаками отер щеки. Немного постоял еще, сплюнув на каждый угол — нате вам!

Оленька в своей комнате, привычно стиснув подушку, давно уж уснула — завтра с утра репетиции, много глажки. Она не слышала, как громыхнула входная дверь.

«Повешусь, суки!» — решил Актер.

Черногорский парк города Абакана днем — это милое тенisное местечко со множеством лавочек, запущенных клумб, стелл, каменных изваяний сюжетов советской эпохи. Вечный огонь, конечно, есть. Именно здесь, поглощая мороженое, гуляют рука об руку молодые парочки, собираются и травят байки ветераны, мамы катают разнокалиберные коляски. Но как только город кроет вечер, в парке происходят кардинальные перемены. Все лавочки в один момент засиживаются стайками гогочущих голеников, по дорожкам петляют обкуранные тени, отовсюду до-

носятся невнятные песни. В любую погоду под тусклыми фонарями пьют — пиво, портвейшок, шумрдяк, красненькую. В глубинах парка есть загаженные реденькие рощицы, куда и несли заплетающиеся ноги Сашку. Вглубь, к первому попавшемуся дереву. Можно б и дома, но дома Олька. Еще встанет ночью... Нет, хватит, и так попил крови, — думал он и спешил, вон уже торчат из-за ограды кривые пальцы зябнувших вязов.

Но в горячке, одержимый решимостью — смешно, ей-богу, и не подумал о веревке как-то. Осознав это, уже стоя в снегу, среди голых черных деревьев, Актер нервно и облегченно засмеялся. Ведь знал, где-то нутром чувствовал, что это та же игра, пафос, фуфло... Да будь и веревка, не смог бы повеситься — страшно. Развел сам себя на сценку. Вся жизнь его ненастоящая, обманная, и сам он... — Сашка вдруг с ненавистью, с размаху боднул черный морщинистый ствол. И точно — боли даже не почувствовал. Бутафория все это. На глаз тут же натекло что-то теплое, Актер не обратил внимания, знал теперь — это обман, грим. Кругом все в парке замерло, словно выжидая, только кусчий холодный ветер трещал в сухих кронах. Снег под ногами казался слишком мягким и грязным, темное небо неестественно морщинисто натянуто, прорвано кое-где крепежными гвоздями — он тронул кривую ветку, та согнулась, поддаваясь пальцам — крашенный поролон. Надо бежать из этих жутких корявых декораций, найти людей, рассказать им — ошарашено крутил башкой Сашка. В глазах все переливалось и прыгало. Шатаясь, попытался выбраться из рощи, упал на четвереньки, барахтаясь в ветках и мусоре долго греб руками. Отовсюду мигали и вспыхивали цветные огоньки, и Сашке казалось, будто бы он видит, как из тени рощи крадется к нему огромный снежный кот, распахивая алуя пасть все шире и шире... Он слабел, греб и вконец бессильно замер на снегу.

Мимо, по освещенной аллееке проскользили две пары черных раздолбанных кроссовок. Остановились. Он слышал голоса.

— Лепик, это че, не Актер ли в снегу валяется? Вон там, вон, смари! Борода в инее.

— Понатуре он! Во чемергрез, бля, ужрался уже где-то!

Шаги проскрипели по снегу, чьи-то руки подняли Сашу. Ноги подкашивались, его шатало. Кто-то шлепнул его по щеке.

— Ээ, Актер, Саня! Сука, у него лоб сломан, где-то вкатали, что ли? Толстый, давай помоги встать, замерзнет же, бляаа...

Слабо, вспышками, Актер осознавал, как сидел еще где-то, вроде на лавочке, мотал висящей головой, кто-то подавал сладковатого спирта и смеялся. Было очень холодно. Потом, почему-то вдруг привиделось лицо Оленьки. И сознание его угасло окончательно.

— Ну и Бог с ним, — сухо прошептала в спину выходящей Оленьки театральная вахтерша, — вздохнет хоть спокойно теперь, оба отмучились.

Весь театр скинулся на приличный веноч, включая главрежа, а тот еще и пафосную речь сказал, что-то вроде — «погиб талант», и еще — «жизнь искусству посвятивший».

Надо заметить, что сотоварищи все ж дотащили актера до подъезда, где он жил, и внутрь занесли даже, на первый этаж — квартиры-то не знали, а то, что совсем плох был актер — чего поделаешь, побоялись они в скорую звонить, вдруг там бы и ментов сразу вызвали, и дело, глядишь, пришили — голова-то актера крепко пробита оказалась. А если б и не пришили, то все равно, всем скопом — в трезвяк. Пьяные ж были, думали, конечно, сойдет: пьяный Бог бережет и все такое... В своем родном подъезде актер Богу душу и отдал, где-то поутру, в самый холод лютый, и много ног брезгливо переступить через него успело — «пьянь позорная» — пока он душу эту отдавал.

Сразу после похорон взяла — дали, уж такой случай — Оленька отгулов, и поехала к бабушке в деревню. И сидела она там, в шали пушистой да в кресле, прихлебывала чай на смородиновом листе, и печь трещала громко и уютно, как в детстве... И смотрела, конечно, в окно, на белые снежные холмы и черные в белых шапках деревья. Прихлебывала все и смотрела...

*Поутру открываются смело,
Наполняются глубиью озёр,
И вдыхают вкус неба всем телом.
Да, в глазах этих я – фантазёр!*

Опять мутанты или инопланетяне какие-то. Вот все у них что-то с глазами не так. Это ж какие глаза получаються! – тела у них много, и все их тело вкусовыми рецепторами покрыто, которыми они еще и дышат!

*Чтоб ты дышал мной и гордился,
Чтоб понимал лишь с полупфраз,*

А в полных и ясных фразах меня не понимай ни в коем случае!

*Меня поймут немногие поэты,
Но мысль свою я всё равно скажу:
Когда мне душно жить
на белом свете,
Тогда лишь только я стихи пишу.*

*Когда меня толкают даже тени,
И злобный дождь пощечины даёт,
Когда асфальт
«сжирает» мне колени,
И даже ветка ивы меня бьёт,*

Эх, болезный, как уж нам тебя понять. У нас тут, одно из двух: либо дистрофия, либо паранойя, и как это

автор умудряется еще и писать в процессе непрерывного мордобоя?

Что и говорить... трагична и папичкана страданиями стезя поэта... но есть среди них очень даже жизнерадостные особи... Нечаянной и запутанной дорожкой мышинных кликов наткнулись мы на эту счастлицу, она хвасталась новой книжечкой, которую издал ей добрый папик. Книжечка свеженькая, пахнет типографией, вот как девочку это заводит:

*И страничками шуршит
Первенец мой книжный -
Гордо душу чепушит
Кладезь неподвижный!*

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ КРИМИНАЛЬНОГО СЛЕНГА:

«Чепушила – тупой, грязный, морально опустившийся человек, человек, вызывающий презрение окружающих».

И под завязку таки да неубоимся «зачепушиться» и заглянем в ее книжку, а вернее сказать, заглянем в тексты из этой книги, приведенные здесь же, на авторской интернет-странице.

*Я люблю тебе готовить
вкусно-вкусно,
Сочно-сочно, нежно-нежно,
от души!*

*И поёт душа,
коль режу я капусту,
Жарю мяски,
иль ваяю беляши!*

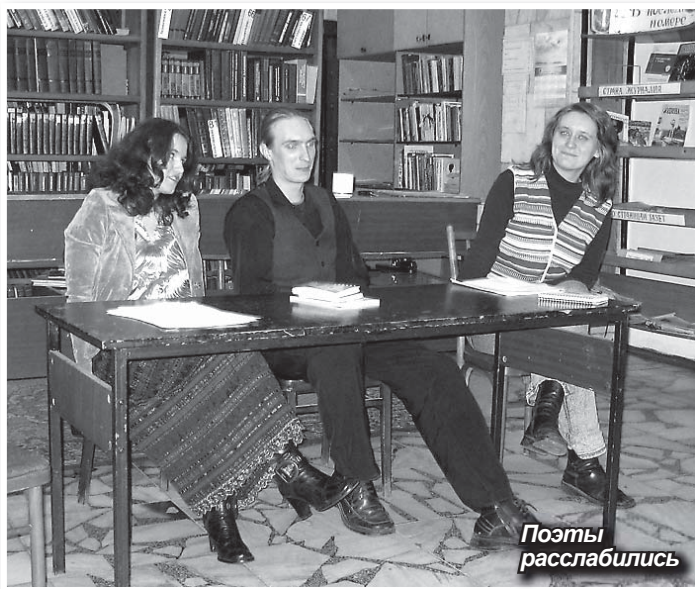
*Вдохновение приходит
незаметно...*

*Я, как нимфа,
над кастрюлями парю
В предвкушении
вкуснятины заветной,
Жарю, парю,
приправляю и варю!*

*Я добавлю базилик и орегано,
Пармезан в салат
с улыбкой накрошу,
И цукини с поцелуями поджарю,
А в любви своей
я мясо протушу.*

Вот такая кулинария любви, папика ждет ужин с сюрпризами от его благодарной домашней поэтессы, тут и тухлая любовь, и окрошка из улыбки, и жареные губки! Мегапанковский текст!

Редколлегия

Поэты расслабились

В прошлом году в библиотеке «Ровесник» мы, редколлегия «Провинциала», и наши наиболее инициативные авторы, провели 2 поэтических вечера молодых писателей города Абакана. На первом участвовали Полина Кондаурова, Дмитрий Шабанов, Анна Гуркова и Ольга Дмитриева. Несмотря на молодость, эти люди уже уверенно входят в литературу, многие учились или продолжают учиться в Литературном институте им. Горького, имели публикации не только в Абакане; Ольга Дмитриева является членом Союза писателей.

В принципе первый вечер прошел неплохо – все места оказались заняты. И, хотя среди слушателей было много знакомых, лично авторами приглашенных, были и такие, что отраднo, которые пришли сами, по расклеенным в городе объявлениям и по афише, которую я дал в местную газету.

Поэтов, особенно тех, кто в первый раз читал не на прокуренной кухне для узкого круга друзей, а на публику, немного потряхивало, и, кое-где они, бывало, и мямлили, бывало, сжевывали строчку, но в целом отчитали нормально. А как

ИТОГО: ПОЭТИЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА

отчитали, и вечер перешел в дискуссионную фазу, то сели в свои стулья и там совершенно расслабились,

и даже кое-кто ногу на ногу закинул. За снятие напряжения между поэтами и аудиторией в первую очередь следует выразить благодарность Жене Рузиной, которая ввязалась в спор с чтецами и другими слушателями в свойственной ей непринужденной манере.

Вместо планируемых 50-ти минут, мероприятие затянулось на полтора часа. Народ и покриковал авторов: мол, много стихов «непонятно о чем», субъективных, ясных только самому написавшему. И еще любопытствовал народ: почему нет позитива

в стихах; особенно этим вопросом задавалась радиоведущая Екатерина Вершинина – встала как прокурор,

Рузина разрядила обстановку

Продолжение на стр. 12

ПОЭТИЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА

Продолжение. Начало на стр. 11

Читательский Клуб

Золотая серия поэзии.
Юрий Кублановский. Избранное.
Изд. Эксмо, 2006

К сожалению, в теперешние времена русская провинция мало что знает о современной литературе, даже в том случае, если автор уже является «живым классиком». Как правило, вести о новых событиях литературной жизни, новых именах, новых книгах (как и

сами книги), не переваливают за Урал, а чаще всего – не выходят за пределы Москвы и Петербурга. Сегодня я хочу сказать именно о таком поэте – живом классике – книга которого не так давно была приобретена мной в одном из магазинов Абакана. Это Юрий Кублановский. Имя его зазвучало еще в 80-х, но в ту пору из-за политического преследования он вынужден был покинуть страну, а вернулся в Россию только в 1990-м.

«Разностопный стих под его пером обретает характер эха, доносящего до нашего слуха самую чистую ноту, когда бы то ни было взятую в русской поэзии», – писал о Юрии Кублановском Иосиф Бродский.

Надо заметить, мне, с моей тягой видеть в поэтических текстах глубокие символистские взаимодействия, языковые полутона, исследование непознанного, воспринимаемого интуитивно, поэзия Кублановского интересна очень выборочно. Он почти не смутен, широко историчен в своих стихах. Он привязан к месту и ко времени, у него много пейзажно-размышлительной лирики, однако именно это привлекает многих читателей, именно это его несомненные достоинства.

На этюдах

*Дворы безлюдные. Замшелые дрова.
Лицо и руки вымочила морось.
Окрестный лес блестит,
как конский волос,
болотная поломана трава.*

*Приятель мой в тяжелых сапогах
с этюдником в руке по грязи скачет.
И церковь разоренная маячит,
чуть видимая в четырех шагах.*

*Сельхозмашины остов голубой
навстречу людям выгибает шею.
Ты зябнешь, друг. Я тоже холодею.
И одиночеством насытился любовью.*

*Лесной мираж напоминает быть.
Когда по ватману плывут, щетинясь, ели,
как утешают нас размыты акварели
Плюс два стаканчика и красного бутыл!*

Книгу читал Дмитрий Шабанов

**Вершинина
зачитывает
свой приговор
поэтам**

мол, а все же, где позитив? А поэты уже совсем расслабились, даже аргументировать свою позицию по-прежнему не умели, отвечали ей: а нету, и все тут, нам хорошо, когда плохо.

На втором вечере список выступавших несколько изменился: читали все те же за исключением Гурковой, уехавшей на сессию в Москву, плюс Мария Гюнтер и Наталья Севостьянова, разбавившая поэтические «охи» длинным прозаическим отрывком (рассказ «Актер», из которого читался отрывок, опубликован в текущем номере). Следует отметить – читала она очень внятно с хорошей артикуляцией, чего следует пожелать и другим авторам, потому что сразу я заметил, как появился живой интерес в глазах публики во время ее чтения.

Ну, и немного звучавших на вечерах стихов:

Ольга Дмитриева:

*Я не ласкал на греческом Гомера.
А море движимо, по-моему, как вера
От множества истоков к одному –
Стремленьем к равнодушию
горизонта.*

*Где край земли
не боле мертвой мыши –
Наступишь – не заметишь,
мытым рисом
Морская пена ластится ко дну,
Вздыхает и наполняет гроты
Опустошенных легких.*

*Чайки парусов
По-хищному кидаются в обломки
Живучих волн, а для Елены
Нет смысла начинать войну.*

Анна Гуркова:

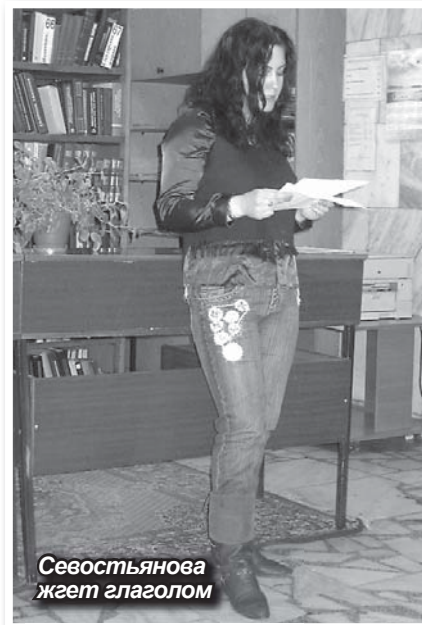
*За чужие печали
в твоих погребках вовек
Ты не выпросишь Бога у тех,
кто тебя призрел.
Ты, наверно, из тех,
кто безропотно в путь потек,
Чтобы к утру вернуться
с заправкой для новых стрел.*

*Ты уже привыкаешь
и яд принимаешь внутрь
и тогда забываешь,
что раньше не так жилось.
Ты, наверно, из тех,
кто послал тебя в этот путь,
А иначе откуда
такая чужая злость.*

*А верёвочка кончится,
если её не вить,
Но отравленный властно
глядит со своих высот.
Невозможно поверить,
как мало у нас любви.
Почему в моём зеркале
только твоё лицо?*

В общем, пробные эти вечера оставили у нас положительное впечатление, и мы намерены сделать их более-менее регулярными. Я надеюсь, в будущем вечера наши станут лучше спланированы, постановочны, может быть, и с чтением по ролям и с музыкальным оформлением, и с песнями под гитару, сочиненными на стихи наших поэтов. Посмотрим...

Андрей Белозеров

**Севостьянова
жжет глаголом**

Вы можете присылать свои тексты на metasib@yandex.ru. Лучшее мы опубликуем в «Провинциале» (возможно, с сопроводительной рецензией) и (или) в интернет-журнале «Точка зрения». К текстам желательно приложить свое фото и биографическую справку.

Электронный адрес: metasib@yandex.ru
Главный редактор: Белозеров А.
Редакционный совет: Кондаурова П., Шабанов Д.
Верстка: Белозеров А.
Корректор: Мартынова В.

Отпечатано в типографии
«Журналист»

Тираж 300 экз.